

Отзыв официального оппонента

о диссертации П. В. Лукина

«Вече в социально-политической системе средневекового Новгорода»,
представленной на соискание ученой степени доктора исторических наук по
специальности 07.00.02 – Отечественная история

Центральное положение, занимаемое проблемой вече в историографии средневекового Новгорода, сделало ее предметом столь разноречивых трактовок, что сама возможность объективного понимания социально-политической сущности этого явления на основе сохранившихся источников оказалась в начале XXI века поставлена под сомнение. Диссертация П. В. Лукина – убедительное свидетельство того, что такая возможность всё же имеется, а накопившиеся противоречия во взглядах исследователей на новгородское вече могут быть преодолены. Путь к их преодолению открывает, с одной стороны, отказ от априорных концептуальных схем, а с другой – привлечение ранее не использовавшихся источников и совершенствование методов работы с источниками традиционными.

В методологическом плане исследование П. В. Лукина опирается на три основания: текстологический анализ используемых летописных памятников, широкое привлечение сравнительно-исторических данных и ставку на обладающие наибольшей достоверностью материалы документального характера. Использованные в диссертации разноязычные источники – древнерусские, латинские, греческие, средненижненемецкие – проработаны с исключительной источниковедческой основательностью и филологической дотошностью (достаточно сказать, что все иноязычные источники цитируются автором в собственных переводах). Углубленное внимание к источнику в его оригинальном виде, жанровой специфике и

текстологической сложности, сообщает выводам диссертации значительный запас прочности, заставляя воспринимать их с доверием.

Обзор этих выводов начну со второй главы, посвященной терминологическим аспектам проблемы, в частности – семантике самого слова *въче*. Сопоставляя употребление этой лексемы в летописях с ее ранними фиксациями в памятниках переводной церковнославянской литературы, П. В. Лукин заключает, что в древнерусских источниках слово было лишено многозначности, свойственной ему в переводных текстах, и использовалось лишь как обозначение разного рода политических собраний горожан. Этот вывод представляется справедливым и может быть подкреплён следующим лингвистическим соображением. В отличие, например, от слов *ночь* или *городъ*, используемых наряду с их старославянскими коррелятами *нощь* и *градъ*, слово *въче* фигурирует в летописях исключительно в восточнославянском оформлении. Это означает, что оно воспринималось как обозначение местной политической реалии, то есть имело терминологический характер. В то же время, как верно отмечает П. В. Лукин, это слово было далеко не единственной формой указания на соответствующее явление. Поэтому в качестве объекта исследования обоснованно рассматриваются все «описания в источниках коллективной политической активности новгородцев, выражавшейся в собраниях» (с. 70), независимо от того, каким образом эта активность обозначается.

В связи с терминологическим аспектом проблемы хотелось бы заметить следующее. В паре со словом «вече» П. В. Лукин рассматривает в 1-й главе слово «вечник», которое в дальнейшем постоянно встречается в диссертации как обозначение участника веча. «Значения понятий «вече» и «вечники» в ранних славянских переводных памятниках, – пишет он, – только отчасти могут быть сопоставлены со значениями, известными по летописным данным, а в ряде случаев не имеют с ними ничего общего (не говоря уже о крайней редкости употребления данных понятий в переводных текстах)» (с. 58). Однако, в отличие от «веча», «вечники» в летописных источниках

выступают в том же негативном значении 'бунтовщики, смутьяны', какое это слово имеет в переводном Толковом евангелии. См. приводимый в Сл. РЯ 11-17 вв. пример из Симеоновской летописи: «сшедшея неции от новгородцевъ, вѣчници, крамолницы, сурови чловѣци, свѣрѣпии людие, убиша Максима мужа благовѣрна...» (1393). То же значение, на мой взгляд, слово имеет и в знаменитом пассаже Московского летописного свода о «худых мужиках-вечниках», нанятых противниками Ивана III и кричавших на вече «За короля хотим!». Как нейтральное обозначение «участники вече» данная лексема аутентичными источниками, как кажется, не засвидетельствована и представляет собой такой же кабинетный термин, как слово «дружинник» (о последнем писал в своей недавней книге П. С. Стефанович). Причем, как и в случае с парой «дружина»-«дружинник», отсутствие в источниках терминологического обозначения для участника вече выглядит глубоко не случайным. Если, как очень убедительно показывает далее П. В. Лукин, в вече могло участвовать все свободное мужское население Новгорода, в специальном термине не было необходимости – для обозначения «политического народа» Новгорода достаточно было слова «новгородцы».

В 3-й, 4-й и 5-й главах сведения источников, относящиеся к политической активности новгородцев, анализируются в хронологическом порядке. Для древнейшей эпохи крайняя скудость летописных данных компенсируется яркими сравнительными параллелями, в свете которых интерпретируются крупницы исторической информации, извлекаемой из летописей. Эту информацию П. В. Лукин пропускает через текстологический фильтр, оценивая таким образом степень ее достоверности. Критически взвешивая мнения исследователей об относительном «возрасте» того или иного фрагмента Начальной летописи, он опирается и на собственные текстологические разыскания. В этом отношении особенно важен раздел, посвященный древнейшему упоминанию вече в статье 1015 г. Новгородской 1-й летописи. П. В. удалось не только убедительно продемонстрировать

первичность этого рассказа по сравнению с читаемым в Повести временных лет, но и показать, что использованный на данном участке текст происходит из памятника более древнего, чем Начальный свод конца XI в. Для реконструкции истории начального летописания этот вывод имеет принципиальное значение.

П. В. Лукин справедливо придает большое значение тому обстоятельству, что вече в 1015 г. было созвано Ярославом «на поле». Отмечая уникальность этого упоминания в новгородском летописании, он видит в нем проявление древней традиции, подтверждаемой сравнительными данными. Соглашаясь с такой трактовкой, стоит, однако, обратить внимание на более поздний эпизод из статьи 1215 г., когда другой Ярослав – Всеволодович «новгородце съзва на поле за Тържъкъ ... вьси мужи и гостьбници, измавъ я вся, посла исковавъ по своимъ городомъ, <...> а бяше всѣхъ новгородьць боле 2000». Хотя вече здесь не упоминается, очевидно, что новгородцы шли на поле вовсе не для того, чтобы быть там арестованными, а на созванное князем собрание. Это собрание напоминает то, на котором Ярослав Владимирович в 1015 г. истребил «воев славных тысячу»: и тогда, надо полагать, «славные вои» собирались на вече, а не на расправу над собой. Характерно, что «на поле» Ярослав Всеволодович созывает новгородцев не в Новгороде, где к началу XIII в. место проведения веча уже давно устоялось, а в Торжке, где практика его проведения, вероятно, отсутствовала.

Обсуждая вопрос о месте проведения вечевых собраний в ранний период, П. В. Лукин отмечает, что Ярославово дворище (Ярославль двор) упоминается в летописи лишь с начала XIII в. Он критически отзывается о мнении И. Я Фроянова, утверждающего, со ссылкой на Новгородскую 4-ю летопись, что сочетание «княжь двор», обозначающее то же понятие, что и «Ярославль двор», впервые упоминается под 1113 г., в связи с закладкой Никольского Дворищенского собора. Перечислив летописи, в которых выступает это сочетание, П. В. Лукин возводит его к Новгородско-Софийскому своду и – поскольку в обоих изводах НПЛ «княж двор» не

упоминается – заключает, что оно «скорее всего, представляет собой пояснение, появившееся не ранее времени составления НСС, т.е. в XV в., когда локализация Никольской церкви на «княжом» («Ярославлем») дворе была очевидной для всех» (с. 168). Хотя общая правота П. В. Лукина в полемике с И. Я. Фрояновым и его школой (эта полемика краткой нитью проходит через всю диссертацию) кажется несомненной, в данном случае ближе к истине оказывается петербургский ученый. Дело в том, что упоминание княжеского двора под 1113 г. имеется в Ипатьевской летописи: «В се же лѣто Мѣстиславъ заложи церковь камяну святаго Николы на княжѣ дворѣ, у торговища Новѣгородѣ». Это сообщение, по-видимому, относится к числу добавлений редакции «Повести временных лет» 1117 г. Летопись типа Ипатьевской была среди источников Новгородско-Софийского свода и уточнение «на княже дворе» могло быть взято из нее. Так или иначе, известие Ипатьевской летописи содержит не только древнейшее упоминание княжеского двора в Новгороде, но и древнейшее упоминание новгородского Торга (П. В. Лукин считает таковым известие НПЛ под 1133 г.). Указание сразу двух ориентиров прямо свидетельствует, что Никольский собор был построен на княжеском дворе у границы его с Торгом – это полностью соответствует характеристике его местоположения, которую П. В. Лукин дает на основании косвенных данных.

Разбирая в 4-й главе летописные свидетельства XII – середины XIII в. и их трактовки в научной литературе, П. В. Лукин дает развернутое обоснование двух главных характеристик веча. Во-первых, вече рассматривается им как собрание исключительно городских жителей, в котором представители сельских территорий никогда участия не принимали; по афористичной формулировке автора диссертации, «весь город выступал как своего рода коллективный сюзерен по отношению в волости» (с. 283). Во-вторых, как показывает П. В. Лукин, вече не носило аристократического характера, но объединяло разные слои свободного городского населения. Противопоставленное одновременно теории И. Я. Фроянова об

общеволюстном характере веча и представлению В. Л. Янина о его узком, чисто боярском составе, такое понимание дела выглядит очень взвешенным, а главное — вытекает из анализа всего корпуса доступных свидетельств, а не предшествует ему.

В методологическом отношении большой интерес представляет параграф 4.3, в котором П. В. Лукин, анализируя социальную терминологию вставленной в НПЛ «Повести о взятии Царьграда в 1204 г. и сопоставляя ее с иноязычными описаниями этого события, делает выводы о значении соответствующих терминов в «новгородском политическом языке», на котором написана «Повесть».

Желание поспорить с автором диссертации вызывает анализ сообщений Ипатьевской и Новгородской 1-й летописей об уходе из Новгорода князя Святослава Ростиславича в 1167 г. П. В. Лукин считает, что большинство указанных Т. Л. Вилкул противоречий между двумя описаниями носят мнимый или формальный характер, и обнаруживает в обоих рассказах общую событийную канву, по-разному преломленную в новгородском и киевском рассказах. Как единственное существенное противоречие двух версий им рассматривается различная последовательность событий: в Ипатьевской летописи новгородцы сначала собираются на вече, а потом князь с дружиной «промышляют о себе»; в НПЛ, наоборот, сначала говорится об уходе князя, а затем о клятве новгородцев и т. д. «Но это, — пишет П. В., — не меняет сути дела, которая вполне ясна из НПЛ так же, как из Ип. Нельзя исключать и того, что противоречие возникло по чисто стилистическим причинам: новгородский владычный летописец мог предпочесть сделать акцент в начале статьи на главном событии: уходе князя из Новгорода, в таком случае фразу: «[в]ъ то же лѣто выиде князь Святославъ из Новагорода», следует воспринимать как своеобразный заголовок» (С. 211). Последнее предположение кажется искусственным: в летописи ясно сказано, что новгородцы «целовали святую Богородицу» (очевидно, на вече) в то время, когда покинувший Новгород Святослав сидел в Луках. Отождествить

это вече с теми, которые, согласно Ип., собирались ночью «во дворах» накануне ухода Святослава, невозможно. Для меня осталось непонятным, что мешает П. В. Лукину признать (вслед за В. Т. Пашуто), что Ип. и НПЛ сообщают о разных фазах конфликта – общая же последовательность событий реконструируется из совмещения двух рассказов: сначала Святослав, предупрежденный «приятелями» о зреющем против него возмущении («веча во дворах»), покидает город и уходит в Луки (представляя этот уход как добровольный: «не хоцю у васъ княжити»); затем новгородцы, собрав вече и поклявшись на иконе Богородицы, отправляются выпроваживать его с Лук. Никаких противоречий, как кажется, такая реконструкция не содержит, а расхождения между летописями объясняются тенденциозными умолчаниями.

Еще одно обстоятельство, которое имело бы смысл обсудить в связи с трактовкой летописных известий XII-XIII в., – это динамика употребления в Новгородской летописи самого слова *вече*. П. В. Лукин не рассматривает ее по уже указанной причине: объектом его исследования является не слово, а стоящее за ним явление, которое может называться по-разному. Неоднородность распределения слова *вече* по тексту НПЛ отмечалась Т. Л. Вилкул, от внимания которой не ускользнуло и то, что первое употребление в статье 1193 г. (в рассказе об избрании на кафедру архиепископа Мартирия) является вставкой младшего извода НПЛ. Этот вывод Т. Л. Вилкул распространяет и на остальные упоминания вече в тексте НПЛ за первую треть XIII в. – на мой взгляд, напрасно. Вместе с тем мысль исследовательницы о литературном источнике упоминаний вече в НПЛ включает в себе рациональное зерно. Важно только понять, каким был этот источник. Позволю себя сослаться на свою работу 2009 г., в которой было показано, что литературная манера летописца архиепископа Антония сформировалась при влиянии киевской летописной традиции XII в. Поскольку в Киевской летописи за XII в. слово «вече» встречается неоднократно, допустимо предположить, что в лексикон новгородских

летописцев этот термин проник именно из нее. Существовало ли слово в «политическом языке» Новгорода XII в., определить невозможно, учитывая, что вне летописи мы этого языка не знаем. Однако этот «язык» не мог, как и всякий другой, не содержать заимствований, и «вече», похоже, было одним из них (наряду со словом «боярин», несвойственность которого раннему новгородскому летописанию отмечает П. В. Лукин (с. 136).) Становление специального термина, обозначающего «политические собрания горожан», может рассматриваться как одно из проявлений постепенной институционализации вече, определявшей, как показано в диссертации, историческую динамику этого феномена.

Капитальный вклад в разработку социальной истории Новгорода вносит анализ ганзейских источников, на котором преимущественно строится 5-я глава диссертации. Материал этих источников, впервые использованный в таком объеме и препарированный с безупречной филологической точностью, позволил заново и на качественно новом уровне рассмотреть целый ряд спорных вопросов, связанных с институциональным характером, составом, численностью, функциями новгородского вече, кругом вопросов, подлежавших его рассмотрению. Особенно важно, что вводимые в научный оборот данные проливают свет на те аспекты повседневной деятельности вече, которые не привлекали внимания занятых «большой политикой» летописцев и потому до сих пор оставались вне поля зрения исследователей. Между тем, именно в это рутинной деятельности, как показывает диссертант, как раз и проявляется в первую очередь институциональный характер вече.

В разделе 5.5, посвященном анализу выражения «триста золотых поясов» из донесения Новгородского торгового Двора Рижскому совету 1331 г., П. В. Лукин убедительно показывает, что это словосочетание не может относиться к вечу (что предположил В. Л. Янин), и трактует его как обозначение всей элиты новгородского общества или же какой-то ее части. Как на ближайшую параллель к этому документу он ссылается на документ 1337 г., где речь также идет о столкновении немцев с новгородцами. «Золотые поясов» там

нет, зато используется другой термин – “de wisesten” («мудрейшие»). О представителях новгородской ганзейской конторы сказано, что они «были приглашены [предстать] перед мудрейшими на вече и объявили о своём посольстве...» (worden geladen vor de wisesten in dat dinc und openbareden ere bodeschop) (с. 380). Поскольку в документе 1331 г. не упоминаются *wisesten*, а в документе 1337 г. – *guldene gordele*, П. В. предполагает, что «скорее всего, оба понятия характеризуют одних и тех же людей – высший социальный слой Великого Новгорода, прежде всего, боярство». Но является ли дополнительное распределение двух выражений достаточным основанием для трактовки их как синонимов? На мой взгляд, нет. В отличие от «золотых поясов», появляющихся в донесении 1331 г. во фразе, цитирующей речь новгородца (Сильвестрова сына), и явно отражающей местное словоупотребление, в документе 1337 г. «мудрейшие» выступают в авторской речи составителя документа. При этом, в отличие от «золотых поясов», «мудрейшие» находят точное соответствие в терминологии, относящейся к организации самого Немецкого двора: как пишет диссертант, ««Мудрейшими» (de wisesten) в самой немецкой конторе в Новгороде назывались четыре опытных советника старосты, которые помогали ему в управлении и суде» (с. 380). Кажется странным, чтобы термин, обозначающий применительно к Немецкому двору нескольких избранных лиц, да и в принципе характеризующий индивидуальные интеллектуальные способности человека, употреблялся применительно к Новгороду как обозначение целого социального слоя. На мой взгляд, более естественно было бы соотнести «мудрейших» документа 1337 г. с иной, более узкой социальной группой, а именно *господой* как верхушкой новгородского общества и своего рода «президиумом» веча, каким этот орган предстает в параграфе 5.7. Замечу, что существование новгородской «господы», аналогичной псковской, можно, по-видимому, считать доказанным П. В. Лукиным, и это, безусловно, весьма важный вывод.

В главах 6 и 7, посвященных проблемам «вечевого суда» и «народного ополчения», выводы предыдущих глав получают убедительное развитие. Содержание 6-й главы емко выражает понятие «вечевого правосудия», в котором проявляет себя специфически средневековый характер «институциональности» веча. С другой стороны, как показывает П. В. Лукин, участие в вече всего свободного населения Новгорода делало его военным коррелятом городской полк, в то время как волостное население могло лишь насильственно мобилизоваться своим «коллективным сюзереном». Не имея замечаний по этим двум главам, добавлю лишь один штрих в подтверждение данной в 7-й главе характеристики новгородской военной организации. Говоря о «добровольно-принудительном» характере вечевого «одиначества», П. В. Лукин задается вопросом: «Но что происходило с лицом, которое не разделяло всеобщего энтузиазма и не хотело участвовать в войне?» Применительно к Новгороду ответ на этот вопрос извлекается из косвенного свидетельства Ипатьевской летописи под 1149 г. Между тем имеется летописное известие, иллюстрирующее данную ситуацию впрямую. Под 1200 г. НПЛ сообщает о походе на латгалов (лотыголу), предпринятом новгородцами из Великих Лук. Рассказ завершается словами: «а сами придоша на Луки сторови вьси; а кто бѣ нѣ пошолъ по нихъ, Столбовица съ нѣколькомъ дружины, а у тѣхъ кун поимаша, бивѣше».

В Приложении 1, давая общую характеристику новгородского политического строя, какой она предстает в свете проведенного исследования, П. В. Лукин признает обоснованной традиционную оценку этого строя как республики. В связи с этим подробно анализируется ганзейский документ 1292 г., содержащий ценное свидетельство того, что Новгород в это время обладал вполне реальной независимостью от князя. Неспособность князя влиять на принятие новгородцами политических решений ярко отражают слова княжеского человека, который в ответ на заявление новгородского старосты, что вопросы имущества должен решать

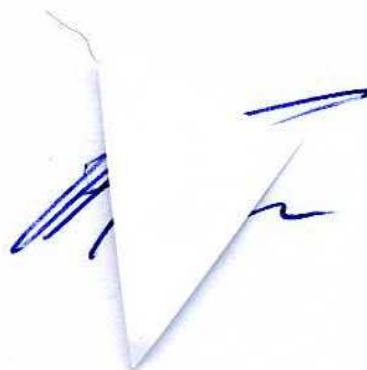
князь, говорит: «Причём тут князь! У господина князя этого имущества нет, это имущество у вас, новгородцев, и вы его поделили с вашими смердами. [Это] ваши смерды и поэтому по закону вы должны отвечать» (*Quid ad regem! Dominus rex bona illa non habet, vos Nogardenses bona illa habetis, et ea cum smerdis vestris divisistis. Smerdi vestri sunt et idcirco de iure tenemini respondere*). Мне кажется важным отметить здесь обстоятельство, которое П. В. Лукин оставил без комментария, а именно то, что независимость Новгорода от князя проявляется в данном случае наличии у него «своих», новгородских смердов, на которых княжеская юрисдикция не распространяется. В связи с этим хотелось бы указать на один весьма ранний документ, в котором, как кажется, можно видеть отражение той же ситуации. Я имею в виду берестяную грамоту № 562/607 (второй половины XI в.), содержащую следующий текст: «Жизнобоуде погоублене оу Сычевиць, новъгородьске смърде, а за ними и задъница» ('Сычевичами (или: [в доме] у Сычевичей) убит Жизнобуд, новгородский смерд. А в их руках и [его] наследство'. В документе местного характера определение «новгородский» при слове «смерд» явно не следует понимать в географическом смысле (новгородский, а не суздальский или смоленский). Вместе с тем оно явно несет определенную нагрузку. Не следует ли видеть в таком употреблении указание на то, что убитый смерд находился в юрисдикции Новгорода, а не князя? Это кажется особенно вероятным ввиду упоминания в грамоте наследства («задницы») смерда, которое, согласно Русской правде, в определенных условиях отходит князю. В данном случае «задница», очевидно, должна была бы отойти Новгороду, но осталась в руках убивших Жизнобуда Сычевичей. Как показывает П. В. Лукин (разделяя в данном случае точку зрения В. Л. Янина), к концу XI в. уровень новгородской самостоятельности был уже достаточно высок. Грамота 562/607, если трактовать ее указанным образом, обнаруживает эту самостоятельность в той же сфере, в какой мы наблюдаем ее проявление в ганзейском документе 1292 г.

Подводя итог, диссертацию П. В. Лукина следует охарактеризовать как значительное научное достижение, выводящее разработку проблем социально-политической истории средневекового Новгорода на новый уровень. Это касается как степени детализации воссозданной исторической картины, так и степени ее включенности в контекст истории средневековой Европы. Можно не сомневаться, что споры о новгородском вече продолжатся и впредь – более, того, стимулированные исследованием П. В. Лукина, они наверняка развернутся с новой силой. Однако новой точкой отсчета в этих спорах теперь надолго останется обсуждаемая диссертация.

Монография и многочисленные публикации автора по теме диссертации полностью отражают основные результаты исследования, а автореферат емко и резюмирует его содержание. Представляя собой масштабное исследование, выполненное на высоком теоретическом уровне, диссертация полностью соответствует критериям «Положения о присуждении ученых степеней» (№ 842 от 24.09.2013), а ее автор заслуживает присвоения ему ученой степени доктора исторических наук.

Дата 30.03.2015

Подпись

ПОДПИСЬ ЗАВЕРЯЮ

ЗАМЕСТИТЕЛЬ НАЧАЛЬНИКА
УПРАВЛЕНИЯ ПЕРСОНАЛА

М

Гиппиус Алексей Алексеевич

доктор филологических наук,

член-корреспондент РАН,

профессор Школы филологии

Национального исследовательского университета

«Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)

(105066, Москва, ул. Старая Басманная, д. 21/4,

тел.: (495) 7729590 *22699, (495) 7183965

E-mail: agippius@mail.ru)